

Габи Кабири

Эухенио

или

Остров брошенных

кукол

Габи Кабири

**Эухенио или Остров
брошенных кукол**

«Автор»

2023

Кабири Г.

Эухенио или Остров брошенных кукол / Г. Кабири — «Автор»,
2023

Сказочная, но правдивая история о маленьком Человечке и его большой
Мечте.

© Кабири Г., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Габри Кабири

Эухенио или Остров брошенных кукол

Часть 1

Глава 1

Разбухшая грозная туча нависла над крышами Шанхая, готовая пролиться благодатным дождём на пыльные деревца, прижавшиеся к облупленной стене мастерской старого Пэя. «Быстрее бы» – произнёс старик, обращаясь то ли к туче, то ли к самому себе. Он сидел на пороге, попыхивая тонкой, длинной трубкой, набитой ароматным табаком и улыбался своим мыслям, рассматривая лежащее на его старческой ладони крохотное золотое сердечко. Аромат глициний, сиреневым каскадом свисающих с крыши, разливался густым мёдом, делая и без того плотный, предгрозово-воздух похожим на приторное сливовое вино. Наконец, устав от напряжения, небо полыхнуло зарницей, грянул гром и тяжёлые капли, словно майские радужные жуки, забарабанили по листве, сбивая с неё пыль. «Ну, вот и всё. Пора». Старик поднялся с крыльца и, сломав мокрую, тяжёлую кисть глицинии, зашел в дом. Это был не просто дом, это была мастерская при фабрике игрушек. Пэй поселился в ней после смерти своей горячо любимой жены. Тогда, много лет назад, он продал свои, ставшие разом ненавистными опустевшие хоромы, и поселился здесь, в крошечной хибаре, забрав с собой только воспоминания, пару чистых рубах да кукол. Находясь среди этих милых человечков, он не так остро чувствовал своё одиночество, ведь они хранили тепло рук нежной матушки Пэй, так безвременно покинувшей его, отправившись в далекое путешествие по миру призраков. У них не было детей и куклы, пусть и не до конца, но заполняли пустоту. Встретившись на празднике Цветов, в день её шестнадцатого рождения, они не расставались до самого конца, прожив в любви и трепетной заботе друг о друге, пока страшная болезнь, что проросла в ней, словно коварный плющ, не забрала её силы и, бесконечно добрая матушка Пэй не растаяла как свеча. Старик сохранил воспоминания о ней и её маленькое золотое сердечко на тонкой золотой цепочке. Он часто согревал его в ладонях, думая о потерянной возлюбленной. И так пролетело несчетное количество лет. Даже старожилы на фабрике не могли припомнить, когда он поселился здесь. Старый мастер был всегда. Он открывал ворота работникам рано утром и закрывал поздно вечером, отправляясь бродить по цеху, чтобы проследить за порядком: везде ли выключен свет, закрыты ли банки с красками и разложены ли инструменты. Он разговаривал сам с собой, сетуя на то, что не те сейчас игрушки пошли, вздыхал, перебирая лежащие грудками головки с пустыми глазницами, пухлые ручки и ножки.

«Душа из куклы ушла, понимаете!.. Вот когда мы с отцом делали куклы для дочерей Императора! ...» Теперь он расписывал мордашки пупсам, вставлял им стеклянные глазки и был абсолютно уверен в том, что некоторые из тысяч клонированных человечков имеют полное право на жизнь, не кукольную, а настоящую и тогда, прихватив из готовой партии игрушек парочку приглянувшихся малышей, он уносил их к себе в мастерскую, где втайне, пока никто не видит, дарил им жизнь, проводя над ними только одному ему ведомый обряд, в тайны которого его посвятил его отец, а отца его отец и так до бесконечности в их многовековой династии кукольников. Вот и сегодня, в день рождения своей возлюбленной, он решил осчастливить кого-нибудь из пластиковых пухленьких клонов, вдохнув в него жизнь.

«Мастер Пэй, все ушли» – в проеме двери показалась изящная головка с маленькими рожками из аккуратно собранных в два пучка блестящих волос. «Вы бы отдохнули, Мастер

Пэй. На вас лица нет, а я бы прибрала у вас в мастерской, а?» Маленькая, шустрая Тань Ли выжидательно застыла с метёлкой в руках. «Нет, нет, ступай. Я сегодня возиться буду допоздна. Работы много» – и он махнул рукой в сторону лежащих штабелем кукольных тушек. «Лучше возьми яблочко». «Вот спасибо! Ну, как знаете. Я зонтик возьму?» – и радуясь, что не придётся разбирать пыльные завалы мастерской дядюшки Пэя, Тань Ли, прихватив бумажный зонт с позолоченными фениксами, помчалась домой, оставив старика одного слушать тревожные раскаты грома и барабанную дробь дождевых капель по бамбуковым водостокам. Дождавшись, пока стихнет резвый перестук деревянных каблучков, убегаящих в надвигающиеся сумерки, старик медленно поднялся, и словно находясь в состоянии сомнамбулы, пошел закрывать за вертихвосткой дверь. Повернув ключ в замочной скважине, он задержался у двери, слушая наступившую вдруг тишину. Ни звука не долетало извне. Покой и тишина. Только редкие капли с листьев и крыши, разбивающиеся о камни дорожек, напоминали о прошедшем ливне. Старик пошёл в цех, словно монарх в изгнании, он смотрел на свои владения в последний раз, скользя взглядом по грудам, похожего на снег, синтепона, рядом разноцветных баночек и ящикам полным безволосыми ещё головками с пустыми глазницами. «Вот ведь недотёпа! Опять банки с краской открытыми оставила» – посетовал неизвестно кому старик, завинчивая крышки и окуная, брошенные грязными, кисти в банку с растворителем, затем он смахнул пыль и крошки от печенья с рабочего стола, выбросив в корзину грязную ветошь, отправился дальше. «Теперь порядок». Мастер Пэй любил фабрику, любил людей, работавших с ним бок о бок так много времени, но больше всего на свете, после Матушки Пэй, конечно, он любил своих кукол. Он был последним, кому в руки они попадали, не считая тех, кто их одевал. Это он, старый волшебник, наносил на их лица последний штрих и тайно вдыхал жизнь в некоторых. Своей сухонькой, но всё ещё крепкой рукой он погладил головы сидящим на столе розовощёким пупсам. «926-ой, 927-ой, 928-ой... Сколько же вас? И все похожи один на другого. Скука! Раньше не было так. Вот когда мы делали куклы для дочерей Императора!..» – старик усмехнулся своим мыслям. «Я старый брюзга, старый, старый, старый необратимо. Пора уходить. Жизнь прошла. Сплошные воспоминания». Взяв в руки двух пупсов, он принялся пристально вглядываться в их миловидные личики. «Ну что, кто из вас? 926-ой или 928-ой, а может 927-ой?» Куклы смотрели на Мастера своими стеклянными немигающими глазками и глупо улыбались. «Заберу, пожалуй, вас троих, а там видно будет». С малышами на руках, он отправился к себе в мастерскую. Усадил их на стол и, сев напротив, впал в тихую задумчивость. Странная улыбка блуждала на его лице, словно разгадав все загадки этого мира, он получил ключ от двери в Неведомое. На город стремительно опустилась тьма. «Сегодня ночь новолуния. Самое время...». Дождь прекратился и тишина стояла пронзительная. Медленно, словно боясь спугнуть эту тишину, Пэй выдвинул ящик стола и извлёк из недр его небольшую жестяную коробку из-под чая. Так же медленно поставил на стол свою любимую чашку из костяного фарфора и зажег огонь под выдавшим виды латунным чайником. Когда чайник уютно запыхтел, он открыл свою заветную коробочку и разложил на столе её содержимое: прядь черных, как крыло ворона, волос, перевязанных красным шелковым шнуром, пожелтевшее от времени фото, с моментом абсолютного счастья, на нём запечатленным и мешочек с сухими травами, припасенными для особого случая. Мастер зажег курительницу, высыпал в чашку цветочную смесь из мешочка и, залив её кипятком, долго смотрел на кружащиеся на поверхности воды цветы наперстянки, вбирающие в себя живительную влагу и словно расцветающие в глубине чашки. Затем он взял фотографию и, поцеловав миловидное, счастливое лицо своей возлюбленной, поднёс фото к огню. Картон долго не хотел загораться, словно давая возможность старику продлить приятные воспоминания. И когда нежное лицо Матушки Пэй рассыпалось белёсым пеплом в руках старика, он, все с той же странной улыбкой снова сел за стол. «Сегодня мы встретимся. Наверное...» Потом, отхлебнув горький настой, он обратился к сидящим перед ним пупсам: «Ну, кто из вас?» Затем он, взяв лист бумаги и написав на нём «Для Тань Ли», положил на него золотую

цепочку, открепив от неё предварительно бесценное сердечко. «А это получит кто – то из вас. Кому сделать подарок? Вы такие, такие...одинаковые.» И, отхлебнув ещё своего смертоносного зелья, закрыв глаза, он взял в руки первого попавшегося. «О, 927-ой. Считай, что тебе повезло!» Комната наполнилась сладковатым дымом от курильницы. В ушах старика нарастал гул. Воздух вокруг него начал колебаться и в этом волнообразном движении ему мерещились очертания тел и лиц, словно комната наполнилась незваными гостями, сотканными воображением старика и вырвавшимися из плена его подсознания. «Мало времени, времени осталось мало». Навязчивый метроном в голове отбивал секунды до ухода. Читая заклинание в дурманящем облаке горящих трав, старик «вживил» малышу под номером 927 золотое сердечко. Кукла дёрнулась в руках Мастера, вздохнула и, открыв глаза, изумленно посмотрела на своего создателя. «Вот так. Живи. Люби. Смейся.» – и, поцеловав пупса в гладкий блестящий лобик, старик усадил его на место среди других, как две капли воды, на него похожих. Затем он обвёл взглядом мастерскую, словно не узнавая то место, где он провёл столько лет за любимой работой в ожидании своего ухода. По телу разлился огонь, словно его брэнное тело, сгорая, освобождало мятущуюся в нем душу. Сердце старика задрожало в груди, и словно большая, выброшенная на берег рыба, содрогнувшись несколько раз, остановилось. Мастер уснул навсегда, в надежде встретиться в своих сновидениях с возлюбленной, так же как и он, блуждающей во времени и пространстве, в ожидании его, и последнее, что он услышал, это был счастливый смех Матушки Пэй. Курильница погасла с рассветом и тонкая струйка белёсого дыма, поднявшись к потолку, рассеялась, смешавшись словно на палитре, с голубой предрассветной дымкой. Как и не было ничего.

Утром старика нашли. Его лицо, озаренное рассветным солнцем, излучало покой, в руках он сжимал прядь смоляных волос, перевязанную красным шелковым шнуром. Все поохали, кто-то всплакнул, но никто не смог вспомнить, сколько ему лет. Мастер Пэй был всегда. Говорят, что его душа, поплутав в Запределье, вернулась на фабрику, где он был счастлив и живёт там до сих пор. Ночной сторож жаловался, что частенько по ночам, словно ветер пролетает по комнатам, распахивая окна и он слышит мужской голос и залиvistый женский смех. Наверное, Мастер вернулся в свой Рай не один.

Пупсов, оставленных стариком, принарядили, разложили по коробкам и отправили на склад готовой продукции.

Глава 2

Прорыдала обильными дождями по ушедшему Мастеру Весна, её слёзы высушило беззаботное Лето. Осень вступила в свои права и вместе с жухлой листвой вымела воспоминания из людской памяти. Имя старика больше не звучало. Малыш всё это время лежал в коробке и мечтал. Мечтал о том, как он сможет посмотреть Мир, о котором столько болтали люди на фабрике, о том, как его выберет самый прекрасный ребёнок на свете и он не расстанется с ним никогда, даря ему всю свою любовь, на которую только способно кукольное сердце. В мечтах проходили дни, словно унылый караван в сером однообразии дней, похожих один на другой. Вдруг однажды коробку, в которой пребывал в забытии Малыш, тряхнуло, где то там, за пределами картонных стен послышались голоса. Сердечко забилося от долгожданной, и всё же такой неожиданной радости. «Ура! Нас сейчас повезут в магазин!» Из разговоров людей, он знал, что магазин, это такое место, где куклы должны будут себя показать. И обязательно с лучшей стороны! Иначе тебя не выберут. Правда, Малыш не знал, какая сторона у него лучшая. «Ну, ничего, с этим я разберусь на месте. Главное, быть миленьким. Так говорят. Люди всегда выбирают миленьких». Что такое быть миленьким, он тоже не знал. «Я буду просто улыбаться. Только выберите меня!». Карапуз лежал в своей тесной коробке, прислушиваясь к звукам извне. Несколько дней он не мог понять, что происходит снаружи. Он засыпал, просыпался, радовался понапрасну, грустил, плакал беззвучно, впадая в отчаяние. Пока однажды он не почувствовал очередной резкий толчок, коробка обо что то ударилась и он снова услышал голоса людей. «Сгружай здесь!». Коробка взлетела в воздух. «Ну что? Кто здесь у нас?» «Пупсы. Из Китая. Подпиши накладную». «Да сейчас! Дай хоть взгляну!» Сердце Малыша неистово колотилось. Вот он, этот момент! Коробку ещё раз сильно тряхнуло и маленького путешественника ослепил яркий свет. Свет прорывался сквозь его прикрытые реснички, и в ореоле этого прекрасного свечения над ним нависло Нечто. Этим Нечто оказалась огнегрявая Кончита, хозяйка магазина игрушек в Мехико. Существует поверье, что те, кто слишком любит кукол, становятся на них похожи со временем. И это была правда! Кончита была явным подтверждением этой теории. Умопомрачительная тётка неопределённого возраста с копной апельсиновых волос, выкрашенных хной, голубыми губами и зелёными розами в волосах, в платье цвета фуксии и шали, расшитой розами и кроликами. В зависимости от освещения, ей можно было дать от пятнадцати до пятидесяти. Это ли не волшебство! «Ты мой сладкий! Ну до чего хорошенький! Я думаю, они прекрасно распродадутся». Она вертела в руках пупса, осматривая его со всех сторон. «Какой серьёзный! Сейчас мы выставим тебя в витрине». С этими словами, она клюнула его своим острым носиком. Именно так Малыш воспринял её восторженный поцелуй. Пупс не знал, что означает слово «выставим», но Повелительнице кукол, так он назвал её про себя, Малыш почему то доверился. Несмотря на искусственную внешность, Кончита была настоящей, настоящей в смысле искренней. Малыш это почувствовал сразу. Страх прошел и он тихонько озирался по сторонам, пока она размахивая им, кричала что-то грузчикам. «Ну вот, сейчас я тебя отнесу к твоим новым друзьям» – и она проследовала, минуя тесную подсобку, заваленную коробкам, в зал, напоминающий Малышу кукольный Рай. Именно так он представлял его себе в своём воображении. Стеллажи, снизу доверху заполненные игрушками. Даже на фабрике он не видел такого количества и разнообразия себе подобных. Сотни глаз уставились с неприкрытым любопытством на Кончиту с Малышом в руках. «Ну вот, у нас пополнение. Прошу любить и жаловать!» и со всего маху приземлила его у ног роскошной фарфоровой красотки. Та еле заметно поморщилась. «Ты помнёшь мне платье. В помятом платье меня не купят. Подвинься» – прошипела вредина и незаметно лягнула его своим изящным фарфоровым копытцем. «Но это невозможно! Я не могу подвинуться» – жалобно прошептал Малыш. «Ну, хорошо, дождёмся ночи, дешёвка!» – прошипела красотка.

«Интересно, что же будет ночью? И что такое «дешёвка»?» Размышлять на эту тему ему было неинтересно, и он принялся осматриваться. Кукла, на чей шлейф, его усадила Кончита, была великолепна. Благоухая духами и поблёскивая фальшивыми бриллиантами, она гордо несла свою фарфоровую головку с нежным румянцем и брезгливой улыбкой. Утопая в кружеве её платья и вдыхая незнакомый чудный аромат, Малыш размышлял: «Как можно быть такой красивой и одновременно такой злой? КРАСОТА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЗЛОЙ! Значит она не красива!» Весь день гордячка простояла с кислым лицом, ведь этот дешёвый детёныш мял кружева её роскошной юбки.

Поговорить с соседями не было возможности. В магазине целый день находились люди и куклы могли только обмениваться взглядами. Вот Малыш и использовал эту возможность, чтобы рассмотреть новых друзей.

Кончита любила свои игрушки. Несмотря на то, что она держала лучший в городе магазин, она всегда тяжело расставалась со своим товаром, словно не наигралась в детстве. Поэтому большая часть её «детюшек», а она именно так называла свои игрушки, попадала в хорошие руки. Кончита, каким-то волшебным образом, угадывала желания людей, предлагая им именно ту самую, желанную. Люди уносили домой плюшевых медведей, собачек, обезьянок, лошадок, прижимая их к сердцу. Словно незримые нити связывали этих пластиковых, деревянных или фарфоровых человечков и плюшевых зверюшек, набитых ватой или опилками, с человеческим сердцем по каким-то необъяснимым законам притяжения, просчитать которые не представлялось возможным. Роскошная кукла могла месяцами стоять в витрине в ожидании юной хозяйки, а грубые, расписные деревянные «девахи» с глупыми лицами разлетались как горячие такос на праздник. А запылившуюся красотку, в конце концов, покупал сварливый старик и запирает её в стеклянном шкафу с такими же, как она узницами и хранил их, как прекрасных хрупких бабочек, лишь изредка смахивая с них пыль. Рядами стояли на полках карусели, вертепы и рождественские ангелы, с нежной грустью в глазах и сложенными крыльями. До Рождества ещё далеко! Не выпцвела бы краска. Зато скоро Праздник Мёртвых, а это означает, что целый год подпирающие стену гигантские фигуры Иуды, отправятся на жертвенный огонь, отплясав на карнавальном шествии под весёлое улюлюканье людей. Вязанки скелетиков и чертей ждали своего часа, чтобы внести в этот странный праздник свою долю сумасшедшинки. Монстры – алебрихе вращались под потолком, повинувшись воздушным потокам от сквозняка и вызывая искреннее изумление воображением художника их создавшего. Собакоголовая рыба на копытах, крылатая жаба с павлиньим хвостом или котосвин о десяти ногах. Это же надо, придумать такое! «Странное местечко, хотя интересное» – подумал Малыш. «Обязательно нужно будет со всеми познакомиться. Наверняка у каждого своя удивительная история».

Эти истории он услышал в первую же ночь от сидящего неподалёку плюшевого медвежонка, когда Кончита, пожелав спокойной ночи своим «деткам», заперла двери магазина, тут же погрузившегося в кромешную темноту и тишину. Первой нарушила эту тишину красотка, на юбке которой сидел пупс: «Подвинься! Помял все мои кружева!» – и она со всей силы лягнула Малыша своей полированной ножкой в изящном башмачке. «Ползи ко мне» – плюшевый медвежонок помахал ему лапой. «Вот ведь злющая какая. Интересно, кому она достанется? Она ведь детей не любит совсем. Она никого не любит. Устраивайся поудобнее». С этими словами он обнял малыша своей пушистой лапой. «У кукол такая судьба сложная. Дети вырастают и мы становимся им не нужны. Редко кто хранит нас до старости. Большая часть нашей братии заканчивает свою жизнь на свалке». «Неужели всё так страшно в этом мире?» – тяжело вздохнул Малыш. «Да нет. Есть исключения. Ничего не слышал про Ниньо Па?». «Нет, а кто это?» «Ты что! Это наше Божество. Вот это судьба!» и Медвежонок поведал ему историю, от которой дух захватывало.

«Несколько сотен лет назад здесь, у нас в Ксочимилько эта кукла появилась из Неоткуда». «Это откуда из Неоткуда?» – удивлённо переспросил Малыш. «Не перебивай! Сам не знаю. Так вот, он появился. Красивый такой мальчик. Загляденье просто. И все, кто к нему прикасался, получали благодать». «А что такое благодать?» «Сам не знаю, но думаю, когда всем хорошо очень. В общем, люди к нему прикасались и становились счастливыми. Ну и желания их он исполнял». «Как?!» «Никто не знает как. Вот только люди верили и шли к нему за исполнением своих желаний. Сначала кукла была в доме рыбака. Говорят, он его и нашёл. А потом его стали передавать из дома в дом. Чтобы счастье разделить на всех. Понимаешь? Чтобы всем его благодать досталась. Его так из рук в руки передают уже не одну сотню лет. Только представь, каждый, к кому он попадает, должен для Ниньо Па подготовить комнату, даже если самому с семьей ютиться негде. Чтобы у него было всё, как у настоящего малыша. Одежки там, кровать в кружевах, сладости. И к нему, в эту комнату идут люди, идут со всей Мексики и не только. Несут ему подарки и молят о помощи. А семья, в которой он живёт, должна всех принимать, кормить и давать ночлег». «Вот это да! Сколько у них появится новых друзей!». «Может в этом и секрет Ниньо Па? А желания он и правда исполняет. Я сам слышал. Кончите старушка Химена рассказывала. Он помог ей. Исцелил её больные ноги. Бегает теперь как молодая. Кончита от неё под прилавок прячется, когда она раз в десятый за день забегает в магазин. У Марии Лупес с соседней улицы, говорят, ребёночек родился. Они с мужем десять лет без детей жили. А пекарь Педро Новалис нашел кошель с золотыми монетами и смог лавочку открыть. Много ещё всяких чудес». «Вот это да!» – задумчиво произнёс Малыш. Ему безумно захотелось познакомиться с Ниньо Па, ведь у него тоже было сокровенное желание. Но из мечтательных раздумий его вернул на землю визгливый голос: «И не мечтай, что тебя купят первой. Я красивее тебя.» Этот препротивный голос принадлежал уже знакомой Малышу красотке. Если бы куклы могли краснеть, лицо Басилии, (так звали зловедную девицу), в этот момент стало бы малиновым. Она чуть не поперхнулась от ярости. «Ты, ты, ты – никто!!! Я товар штучный. У меня есть номер, паспорт с фотографией и клеймо мастера. А ты, ты никто, ничтожество, ты как все!» «Зато, таких как я, больше покупают. Я яркая и доступная». «Ну да, ты дешевка, дешевка, дешевка, дешевка... Басилия, словно заводная, а она и была заводная, повторяла в ярости одно и то же слово. Частенько её бесценный механизм давал сбой и она могла, заикаясь, твердить свои ругательства час подряд, пока Кончита не стучала её кулаком по голове. После этого Басилия какое-то время была смирной. С нижней полки раздался залихватистый хохот. Малышу очень захотелось посмотреть, кто же это рискнул препираться с королевой магазина игрушек. Он потихоньку подполз к краю полки, пытаясь заглянуть вниз. Снизу на него смотрела пластиковая милашка с пухлыми красными губами и желтыми, торчащими в разные стороны, волосами. Она была определенно эффектной, даже красивой, своей вульгарной вызывающей красотой. Малыш не догадывался, что причиной споров и препирательств этих красоток был бравый деревянный щелкунчик в форме английского гвардейца, стоящий на стеллаже в окружении себе подобных, в противоположном конце комнаты и тупо смотрящий в пустоту. От остальных его отличало только то, что не лишенный чувства юмора, кукольный мастер раскрасил ему передний зуб золотой краской. Вряд ли деревянный вояка догадывался, какие страсти разгораются между дамами из-за его белоснежного оскала с золотой фиксой. «Какой смысл спорить из-за красоты?» – Малышу было не понятно. Они обе, на его взгляд, красивы. Просто каждая, по-своему. «Неужели нас выбирают за красоту?» – подумал он, подсаживаясь к своему новому плюшевому другу. «Ну, сейчас начнётся» – прошептал медвежонок – «Они уже полгода препираются. Хорошо, что подражаться не могут, потому что на разных полках стоят». «У тебя не волосы, а жеваная пакля, да к тому же пыльная». «Уж не ты ли её жевала». «Я сказала желтая, а не жеваная. И платье у тебя дурацкое и глаза из дешевой пластмассы». «Ты на себя посмотри! Такая вся бледная. Что, от времени выцвела? Что, не покупает никто?». «Да я, да у меня глаза стеклянные и платье из брюссельского кружева. Ты и

не знаешь о таком!» «Зато твоё платье не в блёстках, и, таких как я, сто штук купили, а на тебе паук гнездо свил». «А у меня бусы дорогие, почти бриллиантовые». «Вот-вот, почти. Ты вся «почти». Ты фальшивка, а не я.» От их визга закладывало уши. Игрушки перестали обращать на них внимание. Уж слишком часто разыгрывался этот бестолковый спектакль. «А ты из отхододелана». «А ты опилками набита». «А тебя только беднота купить может». «А тебя только старый хрыч Фрио и купит. Он давно к тебе присматривается. Купит и в шкафу замурует. Так тебе и надо!» «А ты, а ты – дура!» – выпалила, исчерпав весь набор аргументов, Базилия. «Да заткнётесь вы, наконец. Иначе я лопну сейчас!» – закричала толстая пиньята в виде огромной расписной свиньи. «Лопни, лопни. Вот весело будет! Конфетами полакомимся» – успела ввернуть вздорная простушка. Вязанки скелетов гремели своими картонными костями. Черти – свистульки подливали масла в огонь, раззадоривая сцепившихся девок. Старая обезьяна в дальнем углу полки упала на бок и бормотала без остановки: «Я устала, я устала, я устала. Тишины, тишины, тишины...» Её можно было понять, она кувыркалась целый день. Картонные Иуды зловеще хохотали, рискуя свалиться со своих крюков: «Пустое, пустое, пустое... Всё пустое». Желтоволосая снова ринулась в бой: «А ты...» Что прозвучало дальше, Базилия не услышала, потому что стоящая за её спиной, вот уже который месяц, Пастушка Бо Пип, изящно подняв хрупкую ручку, толкнула её в спину своей, украшенной цветами и лентами, тросточкой. Шелестя роскошными юбками из шелков и бесценного кружева, Базилия пролетела два метра вниз и, грохнувшись о каменный пол, звонко разбилась на тысячу мелких осколков. Куклы оцепенели от ужаса. Неслыханная дерзость, немислимая смелость! И в этой, внезапно наступившей тишине, раздался нежный голос Пастушки: «Королева-Я». Придя в себя от шока, Малыш с Медвежонок подползли к краю полки и посмотрели вниз. На давно не мытом полу, залитом голубым лунным светом, со звёздами мерцающих, «почти бриллиантовых», бусин от рассыпавшегося ожерелья, раскинув руки, вернее то, что от них осталось на тени оконного проёма, как на кресте, лежала жертва своего тщеславия. Дивная, дивная Базилия. Её драгоценный стеклянный глаз укатился под шкаф, где и остался лежать в пыли до тех пор, пока мышь не утащила его в своё гнездо для забавы мышатам. «Какая странная судьба» – прошептал Медвежонок. Куклы затихли, с опаской поглядывая на Пастушку, которая заняла место разбившейся королевы красоты и с победоносным видом взирала на них, не скрывая своего превосходства. Горластая желтоволосая скандалистка села на свой пластиковый зад, открыв в немом изумлении рот и опустив, словно безжизненные плети, руки, да так и осталась сидеть до утра. «Как глупо! Я хочу быстрее выбраться отсюда» – прошептал Малыш. Светало.

Ключ повернулся в замочной скважине. Запел-зазвенел колокольчик на входной двери и, вместе с лучами утреннего солнца, в темные недра кукольного магазина, впорхнула огнегрявая Кончита. «Ола! Мои хорошие, буэнос диас!» Она сделала несколько шагов в сторону прилавка и, о ужас, чуть не наступила на жалкие останки Базилии. «Диос мио!!!» – запричитала Кончита. – «Я шла с радостной вестью о том, что сеньор Фрио хочет купить нашу Базилию сегодня. Какое горе. Какая дорогая кукла. Сеньор Фрио так хотел её в свою коллекцию. Как же так получилось? Это мыши или сквозняк?» Кончита вопросительно посмотрела в сторону полок с игрушками. Малыш дёрнулся, но Медвежонок придавил его лапой и едва слышно прошептал: «Ты же кукла. Ты что, с ума сошел». И Малыш замер, подавив в себе совершенно не кукольное желание рассказать правду и посочувствовать Кончите, так ему симпатичной. Охая и причитая, Кончита подняла с пола роскошное платье Базилии, из которого на пол выпала набитая опилками тушка и мелкие осколки некогда изящных ручек и ножек. «Склеить невозможно. Платье оденем на кого-нибудь. Да вот хоть на тебя» – и с этими словами Кончита взяла с полки сидящую в оцепенении желтоволосую скандалистку. Затем она смела на совок вместе с пылью «бриллиантовые» бусины и осколки Мисс Великолепия. «Ну надо же, беда какая» – ухмыльнувшись, прошептала Пастушка и ещё выше вздернула свой курносый носик.

Кончита, расстроенная утратой дорогой куклы, взялась перетирать пыльные полки в ожидании посетителей. Ближе к обеду заглянул синьор Фрио. Предвкушая долгожданный трофей, он широко улыбался, обнажая за тонкими губами, неполный ряд источенных временем зубов. По рядам полок с куклами пролетело волнение. Никто не хотел к старику в его стеклянную тюрьму. «Это так тоскливо. Целая вечность: ты и старик. С тобой не играют, ты стоишь в витрине и ветшаешь вместе с ним, пылишься, выцветашь и тоскуешь, тоскуешь, пока тебя не затянет паутиной, когда этот странный, одинокий старик умрёт. Нет ни одной любящей его души, о нем никто не вспомнит и, поэтому, после смерти он станет жуткой куклой, сидящей в своём продавленном кресле с недочитанной газетой в руках, по дате на которой и определяют день его смерти» – кошмарные мысли пронесли в голове Малыша. Его философские раздумья превали причитания Кончиты: «Сеньор Фрио, ваша красotka разбилась сегодня. Вот несчастье! Сквозняк или землетрясение. Не пойму ничего, вроде не трясло ночью. Какие демоны снесли её с полки» Разочарованию старика не было предела: «Черт тебя побери, Кончита! Я пришел за куклой. Я копил на неё деньги целых три месяца. Что за...!» Кончита приготовилась было выслушать целую тираду ругательств, но вздорный старикан поднял глаза на полку, где ещё вчера красовалась его вожденная Базилия и тонкая щель его рта расплылась в улыбке, разрезая лицо пополам, отчего он сам стал походить на зловещую марионетку. «Какое чудо! Вы прятали её от меня». И он ткнул тростью в стоящую, остолбенев от ужаса, Пастушку. «Какая прелестница! Вот её я и возьму». Вмиг забыв о той, которую так жаждал заполучить, Фрио ткнул острым концом своей трости прямо в живот новой королевы красоты. «Какие ручки, ножки, кружевные панталончики, румянчик и даже маленькая овечка. Кончита, я заберу её сейчас же!» И, ошалевшая от недолговечности своего триумфа, Пастушка исчезла в картонном гробу, чтобы воскреснуть в стеклянном шкафу-тюрьме дряхлого старика, где царят пыль и вечность. Упаковывая Пастушку, Кончита размышляла, искоса наблюдая за своим странным покупателем: «Наверное, он лишен внимания и женской красоты в реальной жизни. Он боится её, поэтому и запирает красивых кукол, как бабочек, консервируя их во времени для себя одного, словно собирается жить вечность». Куклы злорадно смотрели на коробку с Пастушкой. Никто не произнёс ни слова и только механическая обезьяна выдохнула обреченно: «Я устала». Когда за сеньором Фрио закрылась дверь, Медвежонок шепнул на ухо Малышу: «Вот не повезло, так не повезло. А, впрочем, поделом ей». Удовлетворенный покупкой старик, сморкаясь и побряхывая, ковылял с бесценным трофеем под мышкой в свой мрачный дом, оставив в магазине приличную сумму песо и чувство лёгкого беспокойства у Кончиты. Кончита любила кукол, всё же, несколько больше, чем шелестящие бумажки и всегда интересовалась судьбой своих игрушек. Она очень расстраивалась, когда они попадали в плохие руки. У неё годами жили, не продаваясь, игрушки с дефектами, или просто не очень симпатичные. Она смахивала с них пыль, утешая нежными словами, как маленьких детей и они жили себе дальше, день за днём, находя радость общения с себе подобными и проходящими в магазин людьми. «Не повезло бедняжке» – и Кончита с сожалением посмотрела на дверь, за которой скрылась сгорбленная фигура коллекционера прекрасного.

Уже ближе к закрытию магазина задорно зазвенел колокольчик. Посетителей за день было не много. Все готовились к предстоящему празднику, Дню Мёртвых, отмывая до блеска свои дома. Это было затишье перед бурей, так как со следующей недели к ней вереницей потянутся люди за сахарными черепами, карнавальными Иудами и статуэтками Девы Марии Гвадалупской. Кончита дремала на старом, продавленном креслице за прилавком, завернувшись в любимую шаль с кроликами. От резкого звука колокольчика она встрепенулась, и, раскинув руки с развевающейся радужной шалью, словно маленькая колибри, подскочила навстречу нежданно нагрянувшим покупателям. «О, какая неожиданность! Сеньор Морено и сеньора Морено. Давненько вы к нам не заглядывали. Как ваша дочурка? Как её здоровье?» «Кончита, малышке нужна новая кукла. У неё день рождения» – не отвечая на вопросы участливой про-

давщицы, с недовольным лицом произнес Алонсо Морено. Он не любил, когда ему задают вопросы. Он задавал их сам, будучи главным судьей Мехико, а посему человеком властным, влиятельным и чрезвычайно богатым. Многие его побаивались, но ещё большее число людей его ненавидели. Кончита же его жалела, так как она понимала, что ни его влияние, ни его власть не могут сделать его счастливым и не могут избавить от несчастья, коим являлся его больной ребёнок. Вот уже семь лет его маленькая дочь страдала от непонятной хвори, причину которой не могли определить ни местные, ни заезжие знаменитости от медицины. «Что у вас самое лучшее?» «Сеньор Алонсо, я люблю всех своих кукол, но из нового – вот» – и Кончита сняла с полки Малыша. «Только вчера привезли. Посмотрите, какой он милый. Маленькие девочки любят таких». «Я думаю, Габриэле он понравится» – раздался тихий голос из-за спины сеньора Морено. Из тени вышла женщина блистательной красоты, с бездонными, полными печали глазами на неестественно бледном лице. Она подняла тонкую, почти прозрачную руку и, сверкнув огромным бриллиантом в пыльном сумраке магазина, указала кроваво – красным, остро заточенным коготком в сторону игрушки. «И ещё вон того медвежонка, что сидел рядом». Словно зачарованный, Малыш во все глаза смотрел на диковинную красавицу. «Какая чудесная женщина. Неужели мне повезло и я попаду в самую лучшую на свете семью, да ещё с моим новым другом Медвежонком» – пронеслось в голове у Малыша. Алонсо повертел в руках пупса и передал его своей жене, печальной Мерседес. Сердце Малыша готово было выпрыгнуть от радости, когда Мерседес взяла его своими холеными, холодными пальцами, источающими аромат каких-то, определённо белых, цветов. «Какие ледяные у неё руки. Странно, на улице и в магазине такая жара». Но эти мысли сразу же вылетели у него из головы, потому что Мерседес сказала своим тихим голосом заветные слова: «МЫ БЕРЁМ ИХ. И куклу и медвежонка». И радостная Кончита побежала за коробкам и упаковочной бумагой. Все остальные обитатели магазина смотрели на счастливых со своих полок с нескрываемой завистью: «Вот повезло! Его ведь только вчера выставили» Пупса и Медвежонка упаковали в коробку, коробку обернули розовой бумагой, и виртуозно перевязав её зелёным бантом, Кончита вручила её в руки сеньора Морено. «Это чтобы понаряднее было.»

«Теперь у меня начнётся настоящая жизнь!» – с этими мыслями Малыш преспокойно лежал в темноте коробки и ему не было страшно, ведь рядом был друг, и он точно знал, что его ждёт удивительная встреча с самой чудесной девочкой на свете.

Глава 3

В ожидании время тянется бесконечно. Сквозь тонкие стенки коробки счастливые избранные слышали, как хлопнули дверцы автомобиля, рев мотора, стук тонких каблучков Мерседес, скрип двери, грохот кастрюль на кухне, крики торговца печеным бататом, доносящиеся издалека и еще тысячу разных звуков, но они не слышали голоса девочки. Время тянулось мучительно, но ничего не происходило. Вскоре все звуки извне потонули во влажном тумане сумерек и наступила тишина. «Наверное, уже ночь» – подумал Малыш и тихонько прошептал: «Медвежонок, ты не спишь?» «Нет» – ответил Пушистик и, перевернувшись на другой бок, уткнулся своим меховым ухом прямо в нос Малыша. «Я сейчас чихну!» «Неправда. Куклы не чихают». «А я чихаю». «Вот это странно. Интересно, как долго мы будем здесь лежать?» «Это неважно сколько. Главное, что нас выбрали и у нас теперь есть хозяйка. Интересно, какая она эта Габриэла. Если она похожа на свою маму, то, наверное, она прекрасна, как Ангел». «Хватит болтать. Лучше спать. Так время проходит быстрее» – и вскоре в коробке послышалось едва уловимое сопение. Медвежонок уснул, а пупс протомился, мечтая до рассвета, пока не послышалось хрипловатое пение первых петухов, звон медных кастрюль и треск хвороста в печах на кухне не возвестил о пробуждении дома. Наступил долгожданный день. Он лежал с закрытыми глазами и сотый раз представлял, как откроют коробку и, в сиянии солнечного света, над ним склонится златокудрый ангел. Вдруг, коробка взмыла вверх. «О, наконец-то! Медвежонок, это сейчас произойдет!» Он прислушивался. Шаги, скрип дверей, опять шаги, опять скрип дверей, звук ножниц, перерезающих старательно завязанные Кончитой ленты, шелест разворачиваемой бумаги... Сердце Малыша бешено колотилось. «Вот сейчас, вот сейчас...» Крышка коробки слетела куда-то на пол и в сиянии полуденного солнца Малыш увидел... нет, отнюдь не Ангела в нимбе золотых волос, а расплывшееся в улыбке толстое, лоснящееся от пота, лицо няньки с носом, занимающим половину этого, не скажем красивого, но весьма добродушного лица. «Не случилось. Жаль» – с горечью подумал Малыш. «Но в конце концов не всё в этом мире происходит так, как мы себе придумываем». «Габриэль, посмотри какое чудо подарили тебе твои добрые родители! Он совсем как настоящий ребёночек. И Медвежонок прехорошенький. Какие лапсечки!» И танцующей походкой Пилар или попросту Пили, так звали няньку, провальсировала к кровати девочки с подарками в руках. Всё было совершенно не так, как представлял Малыш. И девочка оказалась не златокудрым, а черноволосым Ангелом, с огромными печальными глазами, совсем как у матери. Она казалась совсем крошечной на огромной неприбранной постели, похожей на кружевной торт великана с красными розами вышитыми на подушках и надписью «ми аморе». Девочка улыбалась и протягивала руки к Малышу. «Ну, вот он, вот он этот момент!» Он оказался в тёплых объятиях и, счастливый, замер, слушая стук маленького сердечка, бьющегося где-то рядом под тонким кружевом ночной рубашки. «А Медвежонок какой, посмотри! Какие чудесные у тебя родители, Габриэла. Уж как они тебя любят! У меня отродясь таких не было. Я имею ввиду игрушки. А какой праздник готовит госпожа Мерседес по случаю твоего дня рождения!» И Пилар вышла из комнаты, причитая еле слышно себе под нос: «Бедная, бедная моя девочка».

К празднику в доме Морено готовились основательно. Со вчерашнего дня Мерседес отдавала распоряжения на кухне. Нужно было запечь ягненка в земляной печи, предварительно обмазав его пряной пастой из перемолотых трав. Это потом из его нежного мяса приготовят суп. Засахаривали фрукты и жарили в воздушном кляре цветы цуккини. Загодя делалось айвовое желе и амарантовые оладьи. Фаршировались свиным фаршем перчики чили и укладывались в белоснежный ореховый крем а сверху, россыпью гранатовые зерна, словно сверкающие рубины или капельки крови. Запекалась на банановых листьях рыба, маринованная в апельсиновом соке и пряностях, тушилась телятина с молодыми побегами кактуса. Были припасены

к столу, как изысканный деликатес, муравьиные яйца, дорогие, словно черная икра северных рыб и выдержанный мескаль с плавающим в нем агавовым червячком. А как апофеоз застолья – огромная башня торта из нежнейшего шифонового бисквита под пышной шапкой взбитых ванильных сливок. Мерседес знала толк в изысканной еде. Пиршество намечалось грандиозное.

День рождения Габриэлы совпадал с первым днём Праздника Мертвых, а вернее с Ночью Ангелов и поэтому, после обильного застолья и недолгого бдения у офренды, все отправлялись в город на карнавал. Это был тот самый день, когда Габи разрешали лечь в постель позже обычного. Так было и сегодня. Гостей было немного. Праздник был семейным, а семья у Алонсо Морено была невелика: отец Алонсо Алваро, напоминающий своей седой копной вьющихся волос, льва, восседал во главе стола словно глава прайда. Парочка худых и унылых, незамужних племянниц, облаченных, словно вдовы, во всё черное с ног до головы чопорно сидели на краешках массивных резных стульев, словно колья проглотили. Они приехали в Мехико на праздник из Оахасы в сопровождении брата Алонсо Лино, очень напоминающего своим нахоленным видом и острым крючковатым носом растрепанную зловещую птицу. Родственников со стороны Мерседес не было. Ее родители почили рано, успев выдать дочь замуж за столь выгодного и надежного жениха, как сеньор Алонсо. Детей на празднике не было тоже. Их не приглашали. Алонсо и Мерседес считали, что Габриэле вредно общение с другими детьми. Все эти салочки, серсо и прочие игры, особенно на свежем воздухе, могут убить ее. Чинно отобедав и прочитав молитву перед алтарем, на котором стояли пара изящных башмачков с позолоченными пряжками, так обожаемых при жизни, матерью Мерседес Марией Жозе и двухрядная флейта-сампонья её отца Мануэля Эксудеро, который до конца дней своих промузицировал, находясь под резвым каблучком своей властной красавицы жены, семейство Морено отправилось в сторону площади Сокало, чтобы влиться в праздничный, галдящий и взрывающийся смехом и петардами, человеческий поток. Габриэлу вела за руку принаряженная к празднику Пилар, выделяющаяся на фоне одетого в черное семейства. Она была в пурпурном свадебном платье из Тихуаны, города, где родилась. Пилар вышивала это платье себе годами, вплетая в цветочные орнаменты птиц, бабочек и свои мечты о женихе (обязательно весёлом и с большими работающими руками), в надежде, что когда-нибудь она пойдет в нём к алтарю, но этого не случилось и поэтому единственной возможностью выгулять такую красоту стал карнавал. Город пел, в небе разливался фонтанами фейерверк. Всё и все кружились в нескончаемом хороводе перед глазами уставшей за день Габриэлы. Черти, Вампиры, Скелеты, малыш с топором в голове, дородная мать семейства с окровавленными близнецами на руках и вязанкой отрубленных рук, болтающихся на её широком поясе, великан с крыльями летучей мыши изрыгающий пламя. Все они взяли Габи в кольцо и хохотали, высовывая длинные синие языки и клацая огромными, желтыми зубами, обдавали, полуживую от усталости, девочку зловонным дыханием. Не выдержав впечатлений слишком длинного дня, Габриэла потеряла сознание, словно провалилась в темноту, где нет ни звука ни света. Пилар еле успела подхватить её и закричала царственно шествующей впереди Мерседес: «Сеньора Морено, сеньора Морено, малышке плохо. Надо бы вернуться домой». Подошедшая к ней Мерседес потрогала холодный лоб девочки и с безучастным видом произнесла: «Возвращайтесь. Слишком много впечатлений. Она просто устала. Уложи её» – и, больше не взглянув на дочь, быстро ушла, растворившись в водовороте ликующей толпы. Пилар, с малышкой на руках, пробиравась к особняку, глотая слёзы. Ей было жалко и девочку и себя, со своей наивной надеждой встретить хорошего парня сегодня вечером и досадно, что она потратила столько времени прихорашиваясь перед зеркалом, но любимая Габриэль была важнее всего. Она вошла в пустой дом (вся прислуга была распущена в честь праздника) и, пройдя по гулким полутемным галереям, добралась до детской. «Сейчас, моя девочка, я тебя уложу». Она раздела обмякшее прохладное тельце и уложила на пуховую перину, подоткнув одеяло со всех сторон. «Сейчас, бонита моя, сладкая

моя деточка, ты согреешься. Хочешь, я сварю тебе шоколад?» Габри молчала в ответ. Решив, что девочка уснула, Пилар положила рядом с ней Малыша и Медвежонка. Боясь разбудить малышку, она на цыпочках, прошелестев крахмальными юбками, прошла через комнату к окну, посмотрела на полную луну, плывущую над садом и, преисполненная вполне объяснимой тоской, присела в своем роскошном платье в кресло. Потом она всплакнула немного, прислушиваясь к отдаленным звукам праздника, и, незаметно для себя, задремала.

Габриэла не спала. С момента, как она потеряла сознание, она продолжала лететь в какой-то черной трубе с огромной скоростью. Она летела в состоянии крайнего ужаса без возможности зацепиться хоть за что-нибудь. Вокруг холод, темнота и бесконечность. И это продолжалось до тех пор, пока она не почувствовала, что приземлилась в теплую, влажную мякоть, источающую пронзительный, очень знакомый, сладкий, похожий на клубничный, аромат. Она открыла глаза и увидела, что находится внутри нежно – розовой пульсирующей плоти, мягкие, чувствительные стенки которой подпихивали её к свету. Не сопротивляясь и не думая, снова закрыв глаза, она просто поддалась этому движению. Ещё мгновение, толчек и Габриэла упала на что-то и это что-то приняло её словно нежные, заботливые руки. Она снова открыла глаза и посмотрела наверх. Над ней склонялся цветок огромных размеров с трепещущими атласными лепестками. И, что самое интересное, цветов этих было превеликое множество. Их было очень, ну очень много, целая роща. Из бутонов некоторых из них появлялись малыши и скатывались по бархатистым листьям на землю, покрытую мягчайшим мхом. Она попыталась встать на ноги. Это получилось у неё очень легко. Мало того, она почувствовала, что может перемещаться, едва касаясь изумрудного мха. И она пошла-полетела из этой рощи странных цветов в сторону мелодичного звона, раздающегося где-то недалеко, за стеной бархатистой листвы. Звон раздавался совсем рядом и, отогнув лист, она увидела залитую солнцем долину, уходящую за горизонт, заполненную смеющимися детьми, белоснежными барашками, щенками, кроликами и котятками. С восторгом, которого она не испытывала никогда в жизни, Габриэла, с разбегу, влетела в стайку парящих овечек. Они окружили её и терлись об её щеки кудрявыми шелковистыми мордочками. Порхающие, словно бабочки, кролики щекотали её ушами, а подлетевшие щенки, кувыркаясь в воздухе, пахнувшим клубникой и топленым молоком, резвились у ступней её босых ног. Это был непередаваемый восторг! Она всегда мечтала о щеночке, котенке или кролике, но родители запрещали сторого-настрога заводить кого-то. Они опасались за её здоровье. «Здорово, правда!» – слышалось рядом и этот кто-то невидимый засмеялся звонко и заразительно – «Ты счастлива? Я – счастлива» Из-за спинки барашка на Габриэлу взглянули лукавые глаза под копной черных кудрей. Габриэла ахнула от неожиданности. На неё смотрела она сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.